

ЗВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ КВАЛИФИКАЦИИ

У статті досліджується історія визначення статусу кличної форми в історії російської мови, аргументується необхідність її багатогранного аналізу, що дозволяє доповнити уявлення щодо місця і ролі вокатива, кваліфікувати кличну форму в якості повноправного члена відмінкової системи та речення староруської мови.

The article investigates the history of the status of vocative case determining in the history of the Russian language, argues the necessity of its multifold analysis, that helps us to complete the idea about place and role of the vocative, qualifying the vocative form as the competent member in the declensional system and sentence of the Old-Russian language.

Вокативы, по мнению Ф. Брауна, существуют во всех языках, различаются по своему составу и имеют сложное содержательное строение [42]. В русском и украинском языкознании отдельные аспекты данной языковой единицы в разные периоды развития лингвистической мысли становились приоритетными, отражая определенные стороны соответствующих научных концепций, что нашло свое отражение в ее неоднозначном терминологическом определении [30, 195]. Цель данной статьи – проследить историю формирования взглядов на звательную форму, обосновать необходимость ее многоаспектного анализа, что позволяет дополнить представление о месте и роли вокатива в старорусском языке. В данной проблеме можно выделить несколько взаимосвязанных аспектов.

Первый аспект – статус звательной формы в **падежной парадигме**. В славянском историческом языкознании в связи с морфологическим взглядом на падеж звательную форму исключали из состава падежной системы и членов предложения, так как отрицали наличие у нее особого падежного оформления [33, 214], указывали на отсутствие синтаксической подчинительной связи [13, 339-340], а следовательно, и отношений с другими словами, которые реализуются с помощью этой связи [4, 177; 12, 93]; не отождествляли вокатив с другими

падежными формами в связи с синтаксической обособленностью, обусловленной употреблением в функции обращения [24, 292-293; 40, 217].

Вместе с тем, принимая во внимание взгляды исследователей на историю развития морфологических показателей вокатива [2, 14-17; 10, 211; 27, 1, 4; 28, 101; 31, 190; 37, 22; 41, 165, 185], его значения [5, 277-278; 7, 21; 35, 147], исходя из билатерального понимания языкового знака [6, 31-38; 20, 236-237; 39, 78-81], а падежа как категории, для которой синтаксическая функция первична в структуре языка [9, 55], отстаиваем мнение о необходимости многоаспектного анализа звательной формы как компонента грамматической категории падежа и предложения. Это дает возможность квалифицировать рассматриваемую форму полноправным членом падежной системы старорусского языка, так как:

- в формальном плане – это флективное образование, которое входит в систему противопоставленных друг другу словоформ с однородным значением;
- в процессе развития языка отражает, как и другие падежные словоформы, явления формальной аналогии;
- категориальное значение предметности на синтаксическом уровне реализует в ряде семантико-синтаксических функций;

– в единстве грамматического (категориального) значения и соотносимого с ним стандартного формального показателя выступает как граммема “звательный падеж”.

В связи с этим **второй аспект – место и роль звательного падежа в структуре предложения.** В исследованиях по сопоставительной и исторической грамматике русского языка одну из функций звательного падежа традиционно и последовательно характеризуют как функцию обращения и считают практически единственным условием его употребления в древнерусском языке [8, 257; 25, 61; 32, 124; и мн. др.], а коннотативная и эмотивная нагрузка [16, 356], присущая вокативу в определенном употреблении, дает основание квалифицировать его как междометие. Кроме этого, указывается на возможность употребления звательного падежа в позиции приложения [4, 380-381] или в качестве вставного – “интеръекционного” [12, 93] – члена предложения [22, 5]. Учитывая достижения русской синтаксической традиции, идеи и положения, разработанные в рамках структурного, семантического и функционального синтаксиса [1; 9; 11; 17; 19; 21; 23; 38], падежную форму, связывающую синтаксис с лексикой и морфологией, мы рассматриваем с учетом:

- формально-синтаксической организации предложения – синтаксические позиции звательного падежа обусловлены определенным типом синтаксической связи;
- семантической структуры предложения – семантико-синтаксические функции (роли) имени в звательном падеже детерминированы семантикой предиката, его семантико-синтаксической валентностью и отражают отношения между предметами внеязыковой действительности;
- категориального значения существительного как части речи – значение предметности вокатива как граммема категории падежа реализует во всей совокупности своего функционирования;
- асимметрии между формой и функцией звательного падежа, деривационных синтаксических процессов, что делает возможным разграничение первичной и вторичных функций вокатива.

Такой многоаспектный подход к анализу звательного падежа на определенном историческом срезе позволяет углубить и дополнить представление о месте и роли вокатива в структуре предложения, о его связях с другими категориями и формами старорусского языка.

Так, одним из нерешенных в исторических исследованиях остается вопрос о причинах употребления звательного падежа в позиции подлежащего-субъекта. Объясняется такое употребление вокатива его этимологической близостью с номинативом [27, 1], появлением в праславянском языке “особой формы имени-

тельного-звательного” [41, 185], в которой Е.Ф. Карский видел подражание формам среднего рода [13, 120], общим изменением формальной организации, обусловленной смещением падежей [31, 190], более частотным употреблением вокатива для называния лица [13, 339]), влиянием конструкций с императивом глаголов [10, 211]), отмиранием звательного как категории в связи с утратой дифференциации значения [15, 21], размером стиха [28, 103], эмоционально-стилистической направленностью высказывания [24, 179], морфологическими причинами [22, 5].

Такое объяснение соответствует разработанному русским традиционным языкознанием учению о членах предложения, пронизанному идеей единства формы и содержания. Акцентирование внимания на форме часто заставляет думать, что одна форма выражает одну и ту же мысль. Поэтому Д.Н. Овсяннико-Куликовский в грамматическом подлежащем видит только именительный падеж, а употребление в данной позиции форм вокатива квалифицирует как кажущееся исключение из этого закона, которые должны пониматься как именительные [24, 54-55, 178]. Вместе с тем сам термин “члены предложения” возник из-за отсутствия однозначного соответствия между морфологическими классами слов и выполняемыми ими синтаксическими функциями.

Компаративистикой доказано, что семантическим ядром звательного падежа выступает значение адресатности. Поэтому мы рассматриваем семантико-синтаксическую функцию субъекта для звательного падежа в старорусском языке как вторичную. Даная функция является следствием функциональной асимметрии падежной формы, ее внутриадажной транспозиции: функция субъекта не является основной для вокатива, не отражает типичных синтагматических моделей старорусского языка. Вместе с тем памятники данного периода свидетельствуют о регулярном характере употребления звательного в данной функции. Регулярность его употребления определяется двумя критериями: 1) повторяемостью в функции субъекта и 2) предсказуемостью, в основе которой лежит характерный для звательного падежа признак – называние лица.

С внепадежной (вербальной) транспозицией мы связываем употребление звательного падежа во вторичной семантико-синтаксической функции предиката, которая носит синтаксический неполный характер. Вокатив сохраняет свою частеречную принадлежность, но глагольная связка в сказуемом переводит падежную форму в позицию, свойственную признаковым словам.

Третий аспект – связь звательного падежа с другими категориями и формами. Со второй половины XIX в. в русской лингвистике утвердилось мнение о синтаксическом главенстве формы лица глагола как одного из средств

выражения субъектно-объектных отношений. Вместе с тем еще А.А. Потебня замечал, что “звательный... есть 2-е лицо и, как таковое, согласуется с 2-м лицом глагола” [28, 101, см. также: 10,211]. В современных грамматических исследованиях категория лица глагола трактуется как морфологическая категория, направленная в синтаксис, а у существительного это функционально-семантическая категория [26, 103]. Не считает категорию лица собственно глагольной И.Р. Выхованец: по мнению ученого, она синтагматически закреплена опорным компонентом в позиции подлежащего [9, 12].

Памятники старорусского языка последовательно отражают взаимодействие звательного падежа с глаголами 2-го лица изъявительного и повелительного наклонений. Комплекс морфологических, синтаксических и валентных характеристик имени и глагола в конструкциях без личного местоимения позволяет определить функцию подлежащего для вокатива как первичную в формально-синтаксическом плане:

- 1) морфологическая форма: глагол как структурно необходимый компонент предложения замещает позицию сказуемого, своей формой указывая на второе лицо. А позицию подлежащего занимает звательный падеж, который, обладая предметным значением, *не указывает* (как это было бы при замещении позиции подлежащего местоимением-существительным), *а называет*, реализуя значение 2-го лица в своей семантике;
- 2) фундаментальная предикативная связь проявляется в координации имени и глагола в форме числа;
- 3) синтаксические особенности объединения признаков слов с именем существительным в звательном падеже и глаголом: и имя, и глагол своими грамматическими особенностями детерминируют возможность появления признаков слов в позиции определения и обстоятельства.

Поскольку субъект действия соотносится с адресатом речи [11, 158], звательный падеж как граммема 2-го лица в таких конструкциях приобретает адресатно-субъектное значение [36, 47]. Синкретизм значения вокатива детерминирован связью с двумя предикатами: доминантное значение адресата обусловлено глаголом речи (направленностью глагольного действия от говорящего к адресату), субъектное же значение связано со вторым предикатом в форме индикатива или императива, который в модальном плане определяет реальность или потенциальность действия данного субъекта.

Четвертый аспект – роль звательного падежа в формировании модальных оттенков императивных конструкций. И.А. Бодуэн де Куртенэ называл вокатив падежом волевым, а номинатив – падежом рассказа и сообщения [3, 4]. Г.Н. Ключов [14, 20-21], И. Свободова [43, 3]

подчеркивают функциональную схожесть вокативных и императивных форм: вокатив – именной императив, императив – глагольный вокатив. В.С. Храковский и А.П. Володин такие конструкции трактуют как функциональную (апеллятивную) целостность [34, 253]. А Р.О. Якобсон утверждает, что повелительное наклонение не имеет грамматического окончания, его вообще нельзя рассматривать как предикативную форму, что оно, подобно обращению, является полным и одновременно неразложимым вокативным предложением [40, 217]. В отношении формы 2-го лица императива мы придерживаемся точки зрения А.А. Потебни, отмечавшего, что звуковая потеря сама по себе не влечет за собой потери формы как грамматической категории, что *веди* не является просто темой, а есть форма со своими отличительными особенностями как свидетельство высокого уровня формального развития языка [29, 216].

Особенности взаимодействия звательного падежа и императива глагола, роль вокатива в реализации модальных значений мы рассматриваем в плане соотношения интенций говорящего, которые связаны с его коммуникативным заданием, и потенциальных возможностей лица, принадлежащих к внеязыковой действительности. Рациональная природа того, что должно быть в конструкциях с глаголами повелительного наклонения и формой звательного падежа в старорусском языке проявляется в том, что “субъективное” как побуждение и объективное как содержание этого побуждения выражаются нераздельно. Субъективное, эмоциональное не может существовать само по себе, только как воля говорящего. Для этого должны быть объективные причины. Объективным фактором реализации воли говорящего становится возможность лица, представленного формой звательного падежа, выполнить это действие. В памятниках соотношение воли говорящего и возможностей адресата – потенциального субъекта действия имеет неодинаковую реализацию в зависимости от самого характера действия, социально-статусной характеристики лица, пре- или постпозиции вокатива.

Пятый аспект – роль звательного падежа в конструкциях с личным местоимением в позиции подлежащего-субъекта и возможные причины утраты вокативом своего особого формального показателя. В отличие от местоимений, которые своим указательным значением лишь очерчивают участников ситуации, звательный падеж называет их, устанавливая тождественность между обобщенным указанием и реальным лицом. Изменение в старорусский период подлежащно-сказуемостной нормы приводит к тому, что вокатив в таких конструкциях становится компонентом, который дублирует функцию местоимения. Исследователи украинского языка квалифицируют данную

функцию как идентифицирующую [9, 78]. В нашей выборке 42 % проанализированных конструкций с личным местоимением составляют предложения, в которых звательный идентифицирует субъект. Причем семантика идентифицирующего вокатива коррелирует с семантикой глагола. Например, а) с глаголами действия или состояния он называет конкретное лицо; б) с ментальными глаголами – субъект знания; в) с глаголами долженствования – отождествляет источник приказа с реальным лицом в его социально-статусной иерархии.

Расширение в старорусский период употребления личного местоимения в позиции подлежащего, идентифицирующая роль в таких конструкциях звательного стало, по нашему мнению, одной из возможных причин утраты вокативом своего особого аффикса. Это может быть объяснено хорошо известной тенденцией к “экономии” языковых средств, что привело к ограничению избытка специальных форм для выражения грамматического значения 2-го лица как со стороны вспомогательного глагола, так и со стороны звательного падежа.

Шестой аспект – лингвистическая интерпретация такой синтаксической единицы, как **обращение**. В русском языкознании изучение обращения имеет свою историю, свои традиционно сложившиеся взгляды на его структуру, лексику и интонацию. Обращение рассматривалось в грамматических трудах, исследовалось в разных функциональных стилях, в коммуникативно-функциональном или коммуникативно-прагматическом аспектах [30, 195-196]. Однако ряд вопросов остается дискуссионным и до настоящего времени: ученые ищут место для обращения в системе языковых единиц.

Понимание предложения как единицы, в которой связь между словами не находится в одной плоскости, ведет к поиску и выявлению “скрытых” видов синтаксической связи. По мнению В.В. Мартынова, если управление не моделируется имплицитно, мы вправе ожидать синтаксической конденсации [18, 38].

На синтаксическом уровне звательный падеж в функции адресата речи представляет собой конденсацию исходного суждения формально равного простому предложению, когда для номинации адресата говорящий использует имя, в котором предикативный признак лица конденсирован в самом названии. Трансформация говорящим предикативного признака в позицию адресата приводит к редукции процессуально-модально-временной характеристики лица, а это – к нивелированию значения реального или потенциального субъекта.

Семантическая осложненность предложений с вокативом в функции адресата, отсутствие валентной обусловленности со стороны предиката позволяют определить как детерминантную синтаксическую связь звательного с другими

компонентами предложения. В старорусском языке вокатив в формально-синтаксической функции детерминанта характеризуется отношением ко всему предложению, связью свободного присоединения, распространением при помощи присловной связи, способностью образовывать однородные ряды.

Непредсказуемый характер детерминантной связи свидетельствует об обусловленности звательного в старорусском языке коммуникативным заданием говорящего, реализацией субъективного (модусного) содержания предложения в определенных коммуникативных регистрах. Вокатив в функции адресата становится необходимым компонентом в содержательной структуре предложения в высказываниях: 1) информативно-повествовательного регистра при сообщении факта влияния на объект, который входит в сферу владения адресата; 2) информативно-описательного – в связи с описанием состояния, обусловленного действием адресата или отношением говорящего к объекту владения адресата; 3) репродуктивного регистра – когда учитывается участие адресата в наблюдаемом; 4) генеритивного регистра – при характеристике потенциальных возможностей адресата; 5) волюнтаривного регистра, когда особенности, качества адресата являются предметом желания говорящего; 6) реактивного регистра, потому что оценочная реакция связана именно с адресатом речи.

Седьмой аспект – вопрос о сохранении вокатива в русском языке. Конденсация исходного предложения с именем в звательном падеже ведет к синкретизму его значения (адресат – потенциальный / реальный / нивелированный субъект действия), что на формальном уровне проявляется в синкретизме формы – грамматической омонимии: использовании формы, омонимичной номинативу, для репрезентации значения вокатива. Такой взгляд на соотношение плана содержания и плана выражения позволяет говорить о сохранении вокатива как граммемы в русском языке. Кроме того, доказательством его сохранения может служить: а) реализация в форме, омонимичной имени-тельному, семантики адресатности, что свойственно звательному как граммеме 2-го лица; б) специфика связи со сказуемым или со всем предложением; в) формирование особого типа высказывания – односоставного вокативного предложения; г) просодические особенности, которые не свойственны номинативу в “обычной” функции; д) отражение русскими говорами разных исторических этапов в соотношении значения звательного и формы представления этого значения.

Таким образом, единый подход к изучению явлений русского языка в его истории и современном состоянии позволяет квалифицировать звательный полноправным членом падежной

системы старорусского языка, проанализировать парадигму его формально- и семантико-синтаксических функций, определить его категориальные и коммуникативные особенности на

данном историческом срезе, охарактеризовать специфику отражения в языке соотношения между формой и содержанием вокатива на разных исторических срезах.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Богородицкий В.А. Очерки по языкознанию и русскому языку. – Изд. 4-е, перераб. – М.: Учпедгиз, 1939. – 223 с.
3. Бодуэн де Куртене И. Лингвистические заметки и афоризмы // Журнал Министерства народного просвещения. – Ч. СССХХХХVII. – 1903. – Май. – СПб.: Сенатская типография, 1903. – С. 1-37.
4. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 512 с.
5. Буслав Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 626 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.; Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
7. Востоков А.Х. Русская грамматика. – СПб., 1831. – 408 с.
8. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О.С. Мельничука. – К.: Наукова думка, 1966. – 596 с.
9. Вихованець І. Основні питання морфології. Іменник. Займенникові слова // Вихованець І., Городенська К. Теоретична морфологія української мови / За ред. І. Вихованця. – К.: Пульсари, 2004. – С. 7- 216.
10. Есперсен О. Философия грамматики: Пер. с англ. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 404 с.
11. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 329 с.
12. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология I. – Изд. 2-е. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1965. – 302 с.
13. Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Вып. 2-3. – 518 с.
14. Ключев Г.Н. О разработке проблематики обращения // Русский язык. – Минск: Изд-во Белорусского ун-та, 1981. – С. 5-36.
15. Курс сучасної української літературної мови: У 2 т. / За ред. Л.А. Булаховського. – К.: Радянська школа, 1951. – Т. 2. – 407 с.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
17. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – 199 с.
18. Мартынов В.В. Категории языка. Семиологический аспект. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
19. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей “Смысл – Текст”. Семантика. Синтаксис. – М.: “Языки русской культуры”, 1999. – 346 с.
20. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
21. Мухин А.М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. – Л.: Наука, 1980. – 308 с.
22. Николаева Т.М. История звательной формы в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 1972. – 20 с.
23. Общее языкознание (внутренняя структура языка) / Под ред. Б.А. Серебrenникова. – М.: Наука, 1972. – 565 с.
24. Овсянко-Куликовскій Д.Н. Синтаксисъ русскаго языка. – СПб.: Изданіе Д.Е. Жуковскаго. – 312 с.
25. Павлович А.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2: Морфология. – 311 с.
26. Плющ М.Я. Граматична природа категорії особи в іменах і дієсловах // Актуальні проблеми граматики: Зб. наук. пр. – Кіровоград, 1997. – Ч. 2. – С. 100-103.
27. Попов А.В. Синтаксические исследования. I. – Воронеж: Исаев, 1881. – 307 с.
28. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1-2. – 536 с.
29. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1977. – Т. IV. – Вып. 2: Глагол. – 406 с.
30. Прохоренков В.Н. Модально-коммуникативная характеристика конструкций со звательным падежом в функции адресата речи // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. – 2006. – № 4. – Вип. 12. – С. 195-201.
31. Соболевский А.И. Лекції по історії русскаго языка. – Изд. 4-е. – М: Университетская типография, 1907. – 299 с.
32. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. – Изд. 2-е, исправл. и дополн. – М.: Высшая школа, 1977. – 352 с.
33. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. – М.: Прогресс, 1987. – 560 с.
34. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив / Отв. ред. В.Б. Касевич. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
35. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1952. – 312 с.
36. Шаповалова Л.И. Семантическая структура стандартизованного обращения // Вестник Белорусского ун-та. Сер. 4. Філологія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. – 1979. – № 3. – С. 46-51.
37. Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. – М.: Учпедгиз, 1957. – 400 с.
38. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. – М., 1973. – С. 458-483.
39. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
40. Якобсон Р.О. О структуре русского глагола // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 210-221.
41. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М.: Учпедгиз, 1953. – 368 с.
42. Braun F. Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Languages and Cultures. – Berlin: de Gruyter, 1988. – 372 p.
43. Svobodová J. Syntaktická charakteristika imperativu a vokativu v českých vyzvových větach. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1987. – 103 s.